

А.Н.Кузина

МИФ О ВЕЛИКОМ ГРЕШНИКЕ КАК СЮЖЕТООБРАЗУЮЩАЯ ОСНОВА ПОВЕСТИ В.Г.РАСПУТИНА «ДОЧЬ ИВАНА, МАТЬ ИВАНА»

Цель исследования: проследить сюжетобразующую роль мифа о великом грешнике, включающего в себя богословскую триаду «грех — покаяние — спасение» в повести «Дочь Ивана, мать Ивана», написанной В.Г.Распутиным в 2003 г. Героиня повести Тамара Ивановна, разрешив несовершеннолетней дочери, ребенку, заняться торговлей, совершила грех поворота в сторону материальных благ, «назад» от духовных ценностей. Грех героини — это осквернение истинных святынь: родного дома, души своей и ребенка как Божьего дара в православной традиции. Расплата за грех — насилие над несовершеннолетней дочерью героини. Покаяние героини происходит не под влиянием традиционной нравственности, а в условиях безнравственности: бездействие правосудия, торжество зла, в котором есть и ее вина. Героиня совершает убийство насильника, тем самым совершая возмездие злу. Автор не оправдывает героиню. Однако мотив избранничества, дальнейшее чудесное исполнение невыполнимой задачи (уничтожение зла) позволяют сделать вывод о справедливости возмездия. В повести финал остается открытым.

Ключевые слова: сюжет о великом грешнике, мотивы избранничества, греха, возрождения, житийные традиции, нравственные ценности

«Дочь Ивана, мать Ивана», написана В.Г.Распутиным в 2003 году. В 2004 году повесть была включена в шорт-лист премии «Национальный бестселлер».

Оценки критики были самые разные. Одна из статей Дм.Быкова, посвященных творчеству Распутина, называется «Слезный дар. Поздний Распутин: изобразить умеет все, объяснить — почти ничего» [1, с. 10]. Быкову не нравится постановка национальной проблемы. С ним полемизировала критик К.Кокшенева: «Распутин не принимает наглости неорганических, чужих форм и смыслов». По мнению К.Кокшеновой, «Распутин написал о безусловной и бескорыстной власти должного — материнской любви, родительском терпении, русской душевной чувствительности» [2, с. 62].

Повесть В.Г.Распутина стала предметом исследования и многих кандидатских диссертаций. В диссертации И.П.Калининой анализируются семейные отношения, представленные в повести. Автор приходит к выводу о безвольности русских мужчин, о проявлениях в их натуре феминности, слабости и о перерождении женщины. Деструкция женского характера, по мнению автора «...в целом, опасна для общества, сравнима с аномалией в природе»¹.

В учебном пособии Н.В.Ковтун «Традиционалистская проза XX—XXI веков: генезис, мифо-поэтика, контексты» повесть Распутина рассматривается в контексте средневековой поэтики. Героиня включена автором в галерею женщин-воительниц. Автор пишет: «<...> миссии Пашуты, Агафьи, Тамары Ивановны» «бездобродетельны» [3, с. 364].

В сборнике «В.Г.Распутин. Правда памяти» наиболее интересны статьи «Мотив памяти как доминантный в прозе В.Распутина» С.С.Имхеловой, «Воспоминание как творческий и сюжетобразующий принцип в прозе В.Распутина» В.Я.Ивановой, «Память литературы и архетипы в прозе В.Распутина» А.Ю.Большаковой. Она пишет: «Распутинское слово глубоко исторично. Характеры, образы героев «Избы», «В ту же землю...», «Женского разговора», «России молодой», наконец, пронзительной по своему гражданскому пафосу повести «Дочь Ивана, мать Ивана» неотделимы от исторического времени русского народа» [4, с. 67]. Таким образом, повесть В.Г.Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» рассматривается исследователями в русле анализа характера, семейных отношений, эволюции образа женщины.

Как нам кажется, при анализе повести недостаточно использованы мифо-религиозные подходы. Так как мировоззрение В.Г.Распутина основывается на идеях православия, мифологические мотивы часто используются писателем.

В основе повести лежит миф о великом грешнике, включающий в себя богословскую триаду «грех — покаяние — спасение». Первая часть триады — «грех» — подразумевала поступок серьезнейший, «затрагивающий самые основы человеческого общежития» [5]. Такой грех совершила героиня повести Тамара Ивановна, разрешив несовершеннолетней дочери заняться торговлей [6]. Это грех поворота в сторону материальных благ, «назад» от духовных ценностей. Такими ценностями для В.Г.Распутина являются традиционные нравственные ориентиры, сохраняющиеся в русской деревне. Эта тема для писателя лейтмотивна: «В деревне нравствен сам труд, воспитывает сама природа, здесь ближе к Богу», — пишет он в одной из статей [7, с. 5]. Антитеза «город — деревня» для писателя традиционна. Он вкладывает слова

¹ Калинина И.П. Русская семья и традиции национального жизненного устройства в повестях В.Г.Распутина «Пожар», «Дочь Ивана, мать Ивана»: поэтико-философский аспект. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2010. С. 20.

предостережения в напутственную речь отца Тамары: «Держи там себя в уме и строгости. Будешь держать — тебя же и уважать станут» [6, с. 14].

Уехала героиня в город. Семью основала крепкую, детей воспитывала строго, но и с любовью. С приходом «свободной жизни», так оценивает Тамара Ивановна перестроечные события, когда отовсюду пошла «лавина грязи», все чаще стало казаться героине, что «от недавнего прочного мира теперь уже ничего не осталось». Размышления приводят героиню к неутешительному выводу: «<...> в глубокую пропасть столкнули...» [6, с. 17]. Это грех уныния, один из смертных грехов в христианстве.

И вот теперь наступила расплата: дочь Тамары Ивановны подверглась насилию торгаша-кавказца: «Вот оно, наказание-то, вот оно, принимай, мамаша, —<...> ткнула себя Тамара Ивановна» [6, с. 22]. Так начинается покаяние героини.

В церковной традиции переход героя к раскаянию происходит обычно немотивированно. В евангельской притче о благородном разбойнике причиной раскаяния послужила угроза неминуемой гибели.

В более поздних житийных произведениях, по наблюдениям Н.Н.Климовой, причиной покаяния становится осознание грешником своего исключительного нравственного падения или же встреча со столь же исключительным примером нравственности.

Свое исключительное нравственное падение почувствовала Тамара Ивановна во время допроса дочери. Надругательство над дочерью настолько «неслыханное», жестокое и циничное, что Тамара Ивановна смотрит на дочь «как на что-то ужасное, как из-под смерти, из-под ада выбравшееся» [6, с. 22-23]. Но и это заставила себя вытерпеть героиня. Здесь возникает мотив терпения, традиционный для создания народного характера писателем. Однако если в ранних произведениях терпение рассматривалось как положительное качество, то в последней повести оно наполнено отрицательной семантикой.

В публицистике последних лет Распутин пишет о пределе терпения в народе: «<...> если дело дошло до края, то по всем законам начинается обратное движение <...>» [8, с. 3]. Он уверен в необходимости волевого начала в человеке: «Русский человек наивен и доверчив <...>. А теперь, когда все оказалось в условиях жестокого мира, этих качеств оказалось недостаточно. Терпение сейчас не всегда вызывает уже добрые чувства, оно не может быть бесконечным» [9, с. 2]. Терпение действует уже разрушительным образом. Вернувшись домой, Тамара Ивановна чувствует: «И так неудобно и горько показалось ей в родных стенах, будто не она здесь хозяйка, будто сдали, как это ныне водится, квартиру кому-то чужому и неприятному, который все в ней переиначил и изгадил» [6, с. 43].

Таким образом, грех героини — это грех отказа от истинных ценностей, грех уныния и грех осквернения истинных святынь — родного дома, души своей и ребенка, который воспринимается в православной традиции как Божий дар.

Чрезвычайность греха требует и чрезвычайного покаяния. В житиях покаяние часто представало как решение невыполнимого задания. Выполнение его свидетельствовало о спасении грешника.

Существует также еще один распространенный сюжет: герой-грешник в гневе убивает злодея, но чудесное исполнение невыполнимого задания указывает на справедливость убийства. Такой сюжет получил название «два великих грешника» и является весьма популярным (вспомним разбойника Кудеяра у Некрасова), хотя и противоречит христианскому мировоззрению.

Прозрение героини происходит также и под влиянием не исключительной нравственности, а исключительной безнравственности. Насильник несовершеннолетней дочери для прокурора — «подозреваемый». Потерпевшая — «<...> легкомысленно поехала» — значит, сама виновата. «Что будет с насильником?» — интересуются родители и получают ответ: «Пока ничего неясно» [6, с. 42]. Самое страшное для героини — отсутствие правосудия, торжество зла, в котором есть и ее вина.

Рассуждение о силе и слабости, очень важных понятиях в повести, принадлежит следователю Николину — человеку немолодому, много знающему и понимающему. Светка — девушка слабая, нерешительная. Эта слабость сразу видна людям сильным и грубым. В благополучном обществе, по его мнению, эти противоположности сдвинуты, «но как только люди выходят за установленные границы», просыпаются грубые инстинкты, законы для них становятся недостаточными. Грубая сила вводит свои законы, и ее суд расправляется со справедливостью. В такой обстановке «<...> всякий слабый человек притягивает к себе преступника как магнит» [6, с. 43]. Это точка зрения близка автору.

Распутин использует притчу об овце-кормилице, волке и хозяине, застрелившем волка, терзавшего кормилицу. В портрете насильника подчеркиваются черты хищника: «с обросшим лицом и хищно опущенным носом», он издавал «дикие крики», «извивался, визжал», «размахивал руками». Он угрожает девушке: «Ей не жить, если будет врать» [6, с. 17, 29].

В ту минуту, когда стало ясно Тамаре Ивановне, что суда над злодеем не будет, «почувствовала она толчок изнутри». Героиня понимает, что торжествуют законы грубой силы. Еще в 1995 году Распутин писал о народе: «<...> он сохранил и целомудрие и здравый смысл, и чувство самосохранения, и отвращение к публичному сраму. А чтоб уберечь от растления детей, он пойдет на все» [10, с. 3].

В ретроспективных отступлениях В.Г.Распутин подчеркивает в своей героине способность улавливать иногда «что-то сверхчувственное, не плотское», что «возгорается» «огнем чистого вдохновения» и она «вся-вся порывисто и неудержимо приготавливается для счастливого *подвига*» [6, с. 25]. Появляется мотив избранничества героини, обусловленный ее духовным началом. У современного писателя свое понимание

духовности, близкое самосознанию и самоопределению. «Духовность — это больше, чем вера. **Духовность** — это еще и деяние, подкрепленное и направленное любовью чистого сердца» [11, с. 6], — пишет Распутин. Его точка зрения опирается на традиции древнерусской святости. Д.С.Лихачев писал: «Когда великому князю московскому Дмитрию необходимо было ополчение, чтобы противостоять Мамаю, Сергей Радонежский благословил его и дал ему двух схимников — Пересвета и Ослябю, чтобы показать, что участие в обороне русской земли — святое дело, разрешенное даже схимникам» [12, с. 13-14].

А дальше у Тамары Ивановны все пошло «как по заказу». То невыполнимое задание, что «приказалось ей», решается удивительно легко. Такой задачей для героини-грешницы становится свершение возмездия. Убивая насильника, Тамара Ивановна уничтожает зло в окружающей жизни и слабость в себе как причину зла: «Хозяйка решила наводить свой суровый приговор <...> после того, как преступление свершилось и преступника вознамерились отпустить на все четыре стороны» [6, с. 42]. «Об этой истории много говорили, <...> душою жалели, <...> служебным положением осуждали<...>», — пишет Распутин [6, с. 42], далее речь персонажей переходит в несобственно-прямую речь: «Но как еще можно противостоять бешеному разгулу насилия и жестокости, если государство своих обязанностей не исполняет, а правосудие принимается торговать законами?» [6, с. 43].

Убийство — это грех. Так оценивает свой поступок героиня: «А теперь меня спасайте», — произносит она после убийства. В последнем слове в зале суда Тамара Ивановна призналась: «Теперь мне каторга шесть лет, а если бы насильник ушел безнаказанным, для меня бы и воля на всю жизнь сделалась каторгой...» [6, с. 42].

Распутин не оправдывает героиню. Однако мотив избранничества, дальнейшее чудесное исполнение невыполнимой задачи (уничтожение зла) позволяют сделать вывод о справедливости возмездия, совершенного героиней. Появилось спокойствие и бесстрашие у Светки, скрываться она отказалась. Произошли и другие события: «В Москве застрелили депутата Думы от Иркутской области, чеченца, и в Иркутске, спустя несколько дней, стреляли в его брата, тоже какого-то главаря» [6, с. 38]. Сняли «охоту» за Анатолием преследовавшие его кавказцы. Изменилось мировидение сына Ивана: «Открылось какое-то глубинное зрение» [6, с. 45]. О таком выводе свидетельствует и публицистика писателя: «Иисус говорил: прощайте и любите своих врагов, но не врагов Бога. Мы вольны обниматься с кем угодно, но не с врагами России, которые растлили ее и осквернили» [13, с. 2]. Совершенное героиней убийство — это шаг отчаяния, последний шаг в условиях бездействия закона.

А что же мужчины? Герой Распутина объясняет доминирующее положение женщины в семье следствием смертельной усталости мужиков, «воротившихся с фронта и свалившихся без задних ног подле своих баб» [6, с. 13].

В.Г.Распутин о женщинах в России сказал: «Женщина всегда готова к самопожертвованию. Она и мужчин обихаживает. И детей воспитывает, и работает. Тут-то как раз и есть надежда, что благодаря женщине, тому, что она не перестает воспитывать детей, Россия устоит» [13, с. 2]. Следует добавить, что не только сейчас, но и раньше, многое держалось на женщине. В допетровское время основное место в домашней жизни женщины занимала работа по дому и вне его. С XVII века женщины стремились к совместному с супругами решению всех дел, активно помогали им, в том числе, и в служебных вопросах мужей. «Эмоциональное обогащение жизни, рожденное обмирщением духовной культуры, сказались и в этой области», — считает исследовательница Н.Л.Пушкарева [14, с. 62]. Формально признавая мужей главными во всех сферах, подчеркивая их главенство, женщины осуществляли фактическое господство в домашней сфере. «Женскому вопросу» Распутин посвятил статью. Он вслед за философами старой школы утверждает, что в основании нашей нации лежит женское начало. «Призванная давать жизнь, она призвана была создавать вокруг себя такие условия, такой мир, чтобы произведенная ею новая жизнь могла развиваться правильно. О кормление семьи, опрятие мужа, воспитание детей, добрососедствование — круг ее забот. Но над этим кругом возвышается еще и купол, являющийся веровой надмирностью, выходом из мирского в небесное» [15, т. 3, с. 476]. Цивилизация вырвала женщину из семейного мира, соблазнив социальной свободой, и превратила ее в «функцию». Соблазнила цивилизация и Тамару. Она мечтала стать телефонисткой. Однообразные тексты разочаровали ее, и ушла героиня в шоферы. Чем не борьба за эмансипацию? И только рождение детей вернуло ее в привычный для женщины круг обязанностей. «Человеческий мир вокруг женщины — это дитя ее, и она инстинктивно сознает свое материнство и ответственность за человеческие итоги», — пишет Распутин [15, т. 3, с. 383]. Но сознает смутно, «сновидениями отвергнутой в ней женщины». Все это позволяет интерпретировать поступок героини как пробуждение своего материнского долга не только по отношению к дочери, но и по отношению к миру вокруг нее.

Лидирование женщины в современной семье, таким образом, свидетельствует о продолжении древнерусской традиции, об обретении нашей современницей своего утраченного места в мире.

За покаянием героя-грешника в мифе следует возрождение. «В тех случаях, когда герой мифа получает прощение при жизни, его земной путь завершается обычно в монастыре, где он предстает в роли духовного наставника» [5, с. 94]. Тамара Ивановна в тюрьме играет как раз такую роль: «Я тут даже комиссарю немножко», — успокаивает она дочь на свидании [6, с. 44].

О спасении Тамары Ивановны свидетельствует финал, повествующий о возвращении героини после каторги — страданий. Выполнение трудной задачи обычно совпадает с моментом смерти грешника и означает его спасение и вознесение. Она идет в «тишине и бескрайности, словно из ниоткуда в никуда» (появляется

мотив вечного движения, мотив вечности). Ей «странно было нащупывать ногами эту земную картину, на которую она годами смотрела почти как на небо; и ощущать удивительную легкость и плавность так, как при передвижении по небу» [6, с. 55] (приобщение к высшим сферам бытия). Такое состояние присуще героям распутинских рассказов, повествующих об откровениях, о раскрытии тайны бытия и посвященности в них героев.

В повести Распутина финал остается открытым, как был он открытым во многих литературных обработках мифа о Великом грешнике («Братья Карамазовы», «Отец Сергей»). Приведя героя к духовному спасению, открытию подлинного смысла существования, русская литература оставляет его на пороге новой жизни, на пороге подвижничества.

По нашему мнению, характер героини содержит черты праведницы. Праведники совершают свой подвиг в миру. Святых-женщин в русском православном пантеоне святых немного. Это или святители (Св. Ольга), или матери и жены святых. Иеромонах Иоанн, исследовавший тему святости русских женщин, считает, что участие русской женщины «в разработке русского религиозного и нравственного идеала» заключается «хотя бы в **порядке влияния**, оказанного на наших святых их матерями. Это участие отмечено с большой тонкостью и прославлено в Акафисте преподобному Серафиму Саровскому, во втором икосе, где говорится: «Радуйся, наследовый добродетели матери твоея» [16, с. 255]. Высокохудожественные образы матерей встречаются и в фольклоре, и более поздних литературных произведениях. Многочисленные источники свидетельствуют, что основные моральные, а также религиозные нормы усваивались детьми именно в общении с матерью.

В.Г.Распутин поддерживает эту традицию. Интересна переключка судьбы Героини с судьбой Улиании Лазаревской. Праведница Улиания до восемнадцати лет церкви «не знала: не было в том селе церкви близко»: «И не случилось ей в девическом возрасте ни в церковь приходить, ни слышать чтения словес Божиих, ни учителя, учащего о спасении, никогда не имела она. **Но смыслом благим была она наставляема к праву добродетельному**».[17, с. 280]. Тамара Ивановна также не ходила в церковь, однако ее «мать была верующей» и ее внушения запомнились, «зацепили душу», как и наставления отца. Писатель так же подчеркивает: сын Тамары Ивановны «был в мать». Он привык руководствоваться материнскими советами, о своих открытиях прежде всех сын сообщал матери. Во влиянии Тамары Ивановны на сына и состоит праведность героини. Так оказались совместимы в повести сюжет о великом грешнике и сюжет жития подвижника — сына Тамары Ивановны. Иван строит церковь, искупая вину матери, на расчищенном ею месте.

Таким образом, рассматривая жизненную ситуацию, Распутин говорит не только о современных ему социальных проблемах, но и о дальнейшем пути России как пути духовного подвижничества, сохранения традиций, пути отстаивания национальной самостоятельности. В беседе с В.Черновым Распутин сказал: «Да, прервано исследование великих традиций, вытравливается духовный смысл русского искусства <...>. Но более тысячелетия складывалась русская национальная культура и самобытная русская душа. Это — крепкая душа, поверьте. Даже за столетия истребить ее оказалось невозможно» [18, с. 180].

1. Быков Д. Слезный дар. Поздний Распутин: изобразить умеет все, объяснить — почти ничего // ЛГ. 1996. № 38. С. 10.
2. Кокшенина К. Связующая в род. О повести Валентина Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» и теме зла в современной литературе // Кокшенина К. Русская критика. М.: ИД ПоРог, 2007. 496 с.
3. Ковтун С.Н. Русская традиционалистская проза XX—XXI веков: Генезис, мифопоэтика, контексты: учебное пособие. М.: Флинта, 2017. 600 с.
4. Большакова А.Ю. Память литературы и архетипы в прозе В.Распутина // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Валентин Распутин. Правда памяти». Иркутск: Издательство Иркутского университета, 2018. С. 67.
5. Климова Н.Н. Миф о великом грешнике в русской литературе // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. От сюжета к мотиву / Под ред. В.И.Тюпы. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1996. Вып. 1. С. 87.
6. Распутин В.Г. Дочь Ивана, мать Ивана // Роман-журнал XXI век. 2003. № 11—12. С. 6-56.
7. Распутин В.Г. Где моя деревня? // Москва. 1995. № 2. С. 5.
8. Распутин В.Г. Если дело дошло до края // ЛГ. 2004. № 35. 8-14 сентября. С. 3.
9. Распутин В.Г. Живи и помни // Советская Россия. 1997. 29 мая. С. 2.
10. Распутин В.Г. Россия перед выбором // Русь державная. 1995. № 2. С. 3.
11. Распутин В.Г. За веру, народ и отечество // Русь державная. 1996. № 11—12. С. 6.
12. Лихачев Д.С. Святая Русь // Святые земли русской. М., 2002. С. 13-14.
13. Распутин В.Г. Бедность — не порок // Советская Россия. 2003. 15 апреля. С. 4.
14. Пушкирева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невесты, жены, любовницы. М.: Ладомир, 1997. 256 с.
15. Распутин В.Г. Cherchez la femme // Распутин В.Г. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М., 1994. С. 476.
16. Иоанн, иеромонах (Кологривов). Очерки по истории Русской святости. Брюссель: Жизнь с Богом, 1961. С. 255.
17. Житие Святой Улиании Лазаревской — Муромской чудотворицы // Иоанн, иеромонах (Кологривов). Очерки по истории Русской святости. М.: Московский рабочий, 2002. С. 280.
18. Гореславская Н., Чернов В. Валентин Распутин. Русский гений. М., 2013. 256 с.

References

1. Bykov D. Sleznyy dar. Pozdnyy Rasputin: izobrazit' умеет все, об"yasnit' — pochti nichego [Gift for tears. Late Rasputin: able to depict everything, able to explain – almost nothing]. LG, 1996, no. 38, pp. 10.
2. Koksheneva K. Svyazuyushchaya v rod. O povesti Valentina Rasputina "Doch' Ivana, mat' Ivana" i teme zla v sovremennoy literature [Binding the generations. On Valentin Rasputin's novel "Daughter of Ivan, mother of Ivan" and the theme of evil in modern literature]. In: Koksheneva K. Russkaya kritika. Moscow, 2007. 496 p.

3. Kovtun S.N. Russkaya traditsionalistskaya proza XX—XXI vekov: Genesis, mifopoetika, konteksty: uchebnoe posobie [Russian traditional prose of the XX—XXI centuries: Genesis, mythopoetics, contexts: a textbook]. Moscow, 2017. 600 p.
4. Bol'shakova A.Yu. Pamyat' literatury i arkhetypy v proze V.Rasputina [Memory of literature and archetypes in prose of V.Rasputin]. Proc. of "Valentin Rasputin. Pravda pamyati". Irkutsk, 2018, p. 67.
5. Klimova N.N. Mif o velikom greshnike v russkoy literature [Myth about the great sinner in Russian literature]. Tyupa V.I., ed. Materialy k slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury. Ot syuzheta k motivu. Novosibirsk, 1996. Vyp. 1, p. 87.
6. Rasputin V.G. Doch' Ivana, mat' Ivana [Ivan's daughter, Ivan's mother]. Roman-zhurnal XXI vek, 2003, no. 11—12, pp. 6-56.
7. Rasputin V.G. Gde moya derevnya? [Where is my village?]. Moskva, 1995, no. 2, p. 5.
8. Rasputin V.G. Esli delo doshlo do kraya [At the end of one's patience]. LG, 2004, no. 35, 8-14 sentyabrya, p. 3.
9. Rasputin V.G. Zhivi i pomni [Live and remember]. Sovetskaya Rossiya, 1997, 29 maya, p. 2.
10. Rasputin V.G. Rossiya pered vyborom [Russia is at a crossroads]. Rus' derzhavnaya, 1995, no. 2, p. 3.
11. Rasputin V.G. Za veru, narod i otechestvo [For Faith, for the people and the Motherland]. Rus' derzhavnaya, 1996, no. 11—12, p. 6.
12. Likhachev D.S. Svyataya Rus' [Holy Russia]. Svyatye zemli russkoy. Moscow, 2002, pp. 13-14.
13. Rasputin V.G. Bednost' — ne porok [Poverty is not a vice]. Sovetskaya Rossiya, 2003, 15 aprelya, p. 4.
14. Pushkareva N.L. Chastnaya zhizn' russkoy zhenshchiny: nevesty, zheny, lyubovnitsy [Private life of Russian woman: bride, wife, mistress]. Moscow, 1997. 256 p.
15. Rasputin V.G. Cherchez la femme [Cherchez la femme]. In: Rasputin V.G. Works in 3 vols, vol. 3. Moscow, 1994, p. 476.
16. Ioann, ieromonakh (Kolodrivov). Ocherki po istorii Russkoy svyatosti [Essays on the History of Russian Holiness.]. Bryussel', 1961, p. 255.
17. Zhitie Svyatoy Ulianii Lazarevskoy — Muromskoy chudotvoritsy [Life of Saint Ulianiya Lazarevskaya - Wonderworker of Murom]. In: Ioann, ieromonakh (Kolodrivov). Ocherki po istorii Russkoy svyatosti. Moscow, 2002, p. 280.
18. Goreslavskaya N., Chernov V. Valentin Rasputin. Russkiy geni [Valentin Rasputin. Russian Genius]. Moscow, 2013. 256 p.

Kuzina A.N. Myth about great sinner as a basis of V.G.Rasputin's 'Ivan's daughter, Ivan's mother' novella plot. The story "Ivan's Daughter, Ivan's mother", written by V.G.Rasputin in 2003, has caused a lot of responses. The purpose of the study is to explore a theological triad "sin — repentance — salvation" in the myth of the great sinner. Such a sin was committed by the main character of the story Tamara Ivanovna by allowing her minor daughter, a child, to be a market salesperson. It is a sin to prefer material wealth to spiritual values. For V.G.Rasputin, priority is given to traditional ethical and spiritual of a Russian village. Tamara Ivanovna desecrated the true shrines of Orthodoxy: her home and the soul of her child. The wages of the sin is sexual abuse of her minor daughter. The heroine kills her daughter's rapist, thereby committing retribution to evil. The heroine repents in conditions of immorality: justice has not been done, the triumph of evil, in which there is also her guilt. The author does not justify the heroine. However, the motive of feeling special for being chosen for some mission, the execution of an impossible task (the destruction of evil) enables one to conclude about the justice of revenge. While in prison, Tamara Ivanovna is purified by suffering, repentance. The story is open-ended.

Keywords: the plot of the great sinner, to feel special for being chosen, sin, rebirth, life traditions, moral values.

Сведения об авторе. Анна Николаневна Кузина — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы XX века Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области Московского государственного областного университета; ORCID: 0000-0002-5574-5056; akuzina3@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2020. Принята к публикации 15.03.2020.